

Глаза его просияли, он поднял взгляд на учителя и с ходу ответил:

— «Возвышаются утесы!» В «Ши цзин» сказано: «Возвышаются над южной горой утесы!»

Господин Линь погладил бороду и с удовлетворением кивнул:

— Именно так. Отвечал ты с некоторой задержкой, но раз раньше с подобными словесными играми не сталкивался, то результат вполне достойный. Я дам тебе еще десяток заданий, чтобы ты пару раз повторил Четверокнижие. Нужно выучить его до такой степени, чтобы по нескольким выхваченным из текста иероглифам ты сразу понимал, из какой они главы и какими словами им ответить. Освоишь эту игру — и на уездных, окружных да провинциальных испытаниях задачки тебе будут не страшны.

Он, не стеснясь, задал с десяток вопросов. Учítывая, что Цуй Се лишь начинал тренироваться, вопросы состояли из четырех или пяти иероглифов, и учитель запретил заглядывать в книги, велел полагаться исключительно на память.

Эта работа оказалась даже тяжелее написания сочинений. Цуй Се раз за разом повторил Четверокнижие, сравнивая каждое слово и иероглиф. Когда он вернулся домой, его лицо позеленело от усталости. Однако ждавшие его дома Цуй Юань с сыном и управляющий Цзи выглядели одновременно радостными и обеспокоенными. Со счетными книгами и серебром в руках они сообщили, что сегодня продажи прошли еще лучше, чем вчера: дома осталось лишь около сотни свежеезданных книг.

Не только те покупатели, что не смогли пробиться сквозь толпу вчера, выстроились в очередь с самого утра, но и вчерашние покупатели вернулись снова. Они с ходу брали по четыре комплекта и накидывали сверху серебра, прося слуг подобрать им рисунки с «Четырьмя красавицами»!

Ажиотаж вокруг «Записок о собранных ароматах» продолжался больше полумесяца и лишь потом пошел на спад. В книжной лавке наконец смогли отдохнуть по очереди, а Ван Сянчжэнь тут же с нетерпением переступил порог усадьбы Цуй.

В это время Цуй Се находился в недавно обустроенном кабинете в западном флигеле, выписывая изречения и сопоставляя парные фразы из Четверокнижия. Старший молодой господин Ван отворил дверь и вошел прямо в западный флигель. Цуй Се, опомнившись, поднялся с места и приветствовал его:

— Брат Ван, какими судьбами?

Ван Сянчжэнь ответил:

— Разумеется, сжалился над четырьмя красавицами! Испугался, что им невыносимо стыдно под чужими взглядами, вот и захотел пораньше забрать их у брата Цуй, чтобы укрыть в золотом тереме.

Это юмор такой или он и впрямь превратился в анимешника-отаку? Цуй Се ненадолго задумался, а затем согласился:

— Раз брат Ван так спешит, забирай их прямо сейчас. Ты только просмотри, нет ли повреждений или выцветших мест. Если нужно подправить или перерисовать заново — я сделаю всё, что смогу.

Ван Сянчжэнь ухмыльнулся:

— Не нужно. Слуги, которых я у тебя одолжил, всё время внимательно следили. Будь там хоть малейший надрыв или пятно, я бы давно попросил перерисовать. — Он блеснул белоснежными зубами и с гордостью добавил: — На самом деле батюшке эти четыре картины нужны только к Новому году в качестве праздничного подарка, но если я забрал их раньше, то смогу сам насладиться ими подольше, а заодно нанять кого-нибудь сделать копии, чтобы любоваться ими вечно.

Цуй Се взглянул на него и удивленно спросил:

— Зачем еще кого-то нанимать? Я же могу просто нарисовать тебе еще один комплект?

Молодой господин Ван кивнул в сторону исписанного листа на его столе:

— Учеба для тебя — дело первостепенной важности, как я могу отвлекать тебя по пустякам? Проще отдать хорошему живописцу, пусть срисует. Кстати, сколько серебра ты хочешь за эти четыре картины?

Цуй Се улыбнулся:

— Брат Ван, к чему при нашей дружбе считаться из-за нескольких лянов серебра? К тому же ты купил у нас столько бумаги Цуй и книг, что эти картины — лишь небольшое дополнение.

Он лично вынес четыре огромных свитка и передал их слуге Ван Сянчжэня, дав напутствие:

— Оформлены картины неважно, снизу лишь подложена белая шелковая ткань. Когда вернешься, вели мастерам переобшить их получше, добавив золота и нефрита. В конце концов, ты сам выбрал меня, безызвестного художника. Нарисовал я так, что только лицами и можно любоваться, а остальное и показать стыдно.

Молодой господин Ван приоткрыл один из свитков, с удовольствием разглядывая яркий, будто живой портрет красавицы, и ухмыльнулся:

— Не страшно. Батюшка собирается преподнести подарок тунчжи Чэню из Канцелярии главнокомандующего армией тыла, а не какому-нибудь чинуше-книжнику. Зачем военным эти изыски вроде «одеяний Цао, облегающих как вода, или лент У, развевающихся на ветру»? Твои красавицы дышат страстью и жизнью...

Охо-хо. Так они и впрямь собираются преподнести мои картины как эротические рисунки?

Эпоха Чэнхуа воистину оправдывает свою репутацию: время, когда канцлер вкладывал в доклады сомнительные чтива, а цензор преподнес ему афродизиаки — совесть и мораль у местных жителей действительно на дне. Цуй Се сохранял вежливую улыбку на лице, но про себя твердо решил ни за что не подписывать картины своим настоящим именем. Пусть старший молодой господин Ван скажет, что нанял известного мастера, все равно в эту эпоху никакого доксинга и поиска по интернету нет.

Молодой господин Ван с радостью согласился. Он велел слугам забрать картины, сказав, что найдет известного каллиграфа, чтобы тот сделал надпись и поднял стоимость работ. На прощание он спросил:

— Ты к Новому году планируешь отправлять подарки в столицу? Если да, пусть их повезет моя

повозка. Заодно твоему старому слуге не придется мотаться туда-сюда в такой лютый мороз.

Усадьба Цуй... Подарки родителям — это еще ладно, но подарок для бабушки и госпожи Сун подготовить стоит. К тому же по пути в Цяньань ему помогали многие люди, и им тоже следовало отправить новогодние подарки. Молодой господин Ван был сыном чиновника третьего ранга, имел связи в пяти канцеляриях главнокомандующих в столице, и разыскивать людей ему было куда проще.

Он немного подумал и смущенно произнес:

— В столице есть человек, которому я хотел бы отправить подарок, но я не знаю его адреса. Знаю только, что он цяньху из Северной Чжэньфусы. Хотел попросить брата Вана разузнать, где он живет... Это не сильно тебя затруднит?

Ван Сянчжэнь чуть не подпрыгнул от изумления и воскликнул:

— Ты знаком с кем-то из Северной Чжэньфусы?! Кто именно из цяньху пяти управлений? Вот уж не думал! С такими людьми простым смертным не сойтись... — Он внезапно хлопнул себя по бедру и со смесью изумления и восторга спросил: — Ты специально попросил меня отвезти подарок? Брат мой, я никогда не забуду твоей доброты!

Цуй Се горько усмехнулся:

— Какое там знакомство... Он лишь пару раз выручил меня из беды, и я просто хочу хоть как-то отблагодарить его. Он, пожалуй, и смотреть не станет на мои скромные дары.

Молодой господин Ван только что собирался тащить его в храм императора Гуаня, чтобы поклясться в вечной дружбе, но, услышав это, заметно остыл и передумал идти в храм. Однако подарок все равно стоит отправить, поэтому он произнес:

— Да ладно тебе, за подарки по шапке не бьют! Мой батюшка каждый год посылает в столицу подарки для поддержания связей, и далеко не все там нас знают, а принимают всё с радостью. Кстати, а что ты собрался дарить? Несколько наборов бумаги Цуй? Или пару коробок с «Записками о собранных ароматах»?

Их семья собиралась отправлять подарки в столицу только к концу года, и Цуй Се еще не решил, что именно дарить. Он просто назвал имя Се Ина и попросил узнать о нем. Ван Сянчжэнь округлил глаза и, прижав руку к груди, переспросил:

— Цяньху Се из Переднего управления Цзиньвэй?

Тогда Цуй Се рассказал о том, как тот спас его в Тунчжоу, а позже помог ходатайствовать об императорской похвале. Ван Сянчжэнь слушал, не смея вздохнуть, и лишь спустя долгое время проговорил:

— Брат Цуй, тебе и впрямь судьба посылает покровителей. Этот цяньху Се — человек, имеющий вес даже во дворце! Он раскрыл не одно громкое дело. Дело о клевете на бывшего начальника моего отца, командующего Фу, вел именно он! Тогда ему было едва за десять, а он уже ездил на задания вместе с тунчжи Чжао... Ох, нет, у меня аж сердце заколотилось, надо пойти выпить чарку, чтобы успокоиться. Ты сиди спокойно, просто передай мне подарки до Нового года.

Он отвернулся, сделал несколько шагов, а затем обернулся и добавил:

— Даже если не успеешь подготовить все как следует — не беда, я сам добавлю от себя, сделаю все в лучшем виде.

Старший молодой господин Ван ушел довольный собой, размахивая руками при каждом шаге. Цуй Се проводил его и задумался о том, что подарить. Раньше он полагал, что у него нет возможности разыскать цяньху Се, и остается только ждать прибытия его людей. Но раз молодой господин Ван согласился помочь, он сможет отправить подарок до наступления Нового года.

Вот только цяньху Се наверняка не захочет принимать вещи и лишь станет призывать его усерднее учиться.

Погруженный в мысли, он вернулся за стол и взглянул на испещренные надписями листы с парными изречениями из Четверокнижия. В его голове промелькнула идея: разве это не плод его трудов за последнее время? Сейчас на рынке почти нет толковых учебных пособий по составлению парных фраз. Если он соберет парные изречения из Четверокнижия в отдельную книгу, то станет знаменитым автором учебных пособий — эдаким современным составителем сборников для подготовки к экзаменам!

Составлять такое куда полезнее, чем списывать стихи Чжэн Баньцяо. В будущем, когда он прибудет в столицу и встретится с цяньху Се, как бы тот ни проверял его знания, он сможет ответить на любой вопрос. Это гораздо лучше, чем поразить всех списанным стихом сейчас, а потом выдавать бездарную писанину ради количества слов.

Успокоившись, он некоторое время восстанавливал по памяти нужные строки, после чего взял кисть и доставил к фразе «будь пронитателен в делах и сдержан в речах» ответное изречение: «держись своих намерений и не давай воли чувствам». Поразмыслив еще немного, он взял фразу «держись своих намерений и не давай воли чувствам» за первую часть и подобрал к ней вторую: «пребывай в спокойствии и обретишь глубокие познания».

<http://bllate.org/book/18372/1761282>